

Герман ЛУКОМНИКОВ

АНЕКДОТ И ДВА ВОСПОМИНАНИЯ, ПОСЛЕДНЕЕ ИЗ КОТОРЫХ ПОКА НЕ ОКОНЧЕНО

Кумир

У Высоцкого в песне «Я не люблю» была строчка «И мне не жаль распятого Христа». Отец Александр Мень услышал, звонит ему: «Володя, вы же русский поэт, гуманист, как же так?». Высоцкий говорит: «Ладно, переделаю». И переделал: «Вот только жаль распятого Христа».

Ещё там была строчка: «Но если надо, выстрелю в упор». Академик Сахаров услышал, звонит: «Володя, вы же русский поэт, гуманист, нехорошо». Высоцкий говорит: «Ладно, переделаю». И переделал: «Я также против выстрелов в упор».

А ещё там были строки: «Я не люблю спортивные арены, / На них мильон меняют по рублю». Ему как раз перед этим друзья в провинции организовали несколько концертов на стадионах, и, несмотря на аншлаги и массовый ажиотаж, ему больше нравилось выступать в более камерной дружеской обстановке, в небольших залах и в гостях у друзей. Но хоккеист Харламов услышал песню, звонит ему: «Володя, ну зачем ты нас, спортсменов, так обижаешь?». Высоцкий говорит: «Ладно, переделаю». И переделал: «Я не люблю манежи и арены...» – так что получилось, что это не про стадионы, а про цирк.

Но тут, уже в таком виде, Никулин услышал, звонит: «Володя, у нас в цирке траур, наш любимый певец нас оскорбил...» Ну тут уже Высоцкий не выдержал и говорит: «Ребята, да сколько ж можно?»

12 октября 2020

Двойник

В детстве я несколько лет занимался в шахматной секции. Общества «Спартак». В городе Баку. В той же секции числился знаменитый шахматный вундеркинд Гарик Вайнштейн, но я его ни разу не видел. Фактически он уже жил в Москве и занимался в школе Ботвинника. Недавно мне попалась шахматная партия между Гариком и нашим тренером (кажется, мастером спорта). Из какого-то турнира. Оказывается, Гарик уже тогда, в 11-летнем возрасте, его обыгрывал.

В те же времена я каждый год занимал второе место на городских математических олимпиадах. На награждении торжественно объявляли: «Первое место – Гарик Вайнштейн! Но он сегодня не смог приехать, так что грамоту и призы получит его мама...» И затем: «Второе место – Гера Лукомников, школа 160» – и я бежал на сцену.

Мы с легендарным Гариком родились и выросли в одном городе, мы практически ровесники (он на год младше, но в школе по классам мы шли параллельно, по крайней мере в пятом-шестом), оба переехали в Москву (он, по существу, ещё в детстве, я в отрочестве), у нас похожие имена... Говорили, что он сын еврея и армянки. Я тоже.

В какой-то момент Гарик Вайнштейн исчез, и в газетах появился Гарри Каспаров¹. И все поняли, что это он и есть, просто сменил фамилию. На мамину. Приблизившись ко мне таким образом ещё и по алфавиту.

В старших классах я почти совсем забросил шахматы и математику и окончательно переключился на литературу и искусство. Блистал в школьном драмкружке. Маниакально, днём и ночью, писал стихи, изводя на черновики горы тетрадок. Отчасти это, возможно, было спровоцировано ощущением, что и в шахматах, и в точных науках я будто бы обречён вечно оставаться в тени этого своего двойника. При этом особенно обидно было то, что, как бы преследуя меня всё наше детство, он продолжал оставаться для меня невидимым. Я и до сих пор его ни разу не видел, кроме как по телевизору и на ютубе.

Эту историю я иногда рассказывал друзьям, и она даже попала в художественные произведения.

Вот фрагмент головоломного рассказа «Когда они встретились» Татьяны Бонч-Осмоловской, написанного не позднее 2008 года. В персонажах угадываются мастера палиндрома и комбинаторной поэзии – Борис Гринберг, Сергей Федин, Дмитрий Авалиани и в.п.с.

«...Борис снова заговорил:

– Здорово, что мы с вами наконец познакомились. Я ведь давно о вас слышал и все хотел рассказать вам об одном замечательном человеке, о том, как я с ним познакомился. Дело было так: в прошлом августе я участвовал в Фестивале авангардной поэзии, и даже стал лауреатом, это неважно, а главное – я подружился там с этим поэтом. Представляете, он родом из Баку, и вундеркинд с детства, но долго не мог найти себя. Сначала он занимался математикой, читал Гарднера, на республиканских олимпиадах поднимался до достойного второго места. Достойного для кого-то другого, но не для Геры! А первые места занимал мальчик по фамилии Вайнштейн. Гарик Вайнштейн. Тогда Гера нырнул с головой в пространство шахматных плоскостей. И скоро мог играть блиц с полудюжиной рыжеволосых дев – на стороне любой из черно-белых армий. Но в турнирах его снова опережал... угадайте, кто?

– Кто? – спросил Сергей.

– Гарик. Только теперь он уже был записан под другой фамилией. Ну да неважно. Так что Гера поразмыслил, осмотрелся по сторонам и стал писать чудные стихи.

– Чудесные, вы хотите сказать?

– Чудесные и чудные, такие уж они у него, – Борис попытался развести руками, но уперся в соседей. – И в стихах тот чемпион уж был ему не соперник!

– Это точно, – согласился Сергей».

А на днях Валерий Силиванов написал анаграмму по мотивам всё той же истории. Невероятно, но обе части, разделённые пробелом (вторая начинается словами «Вот как нарочно»), составлены из одинакового комплекта букв! Я не поленился проверить, всё сходится. В каждой части по 25 «а», 3 «б», 15 «в», 6 «г», 6 «д», 24 «е», 1 «ж», 2 «з», 17 «и», 3 «й», 10 «к», 12 «л», 11 «м», 21 «н», 31 «о», 6 «п», 15 «р», 12 «с», 22 «т», 6 «у», 1 «ф», 4 «х», 5 «ч», 4 «ш», 4 «ы», 3 «ь», 1 «ю» и 4 «я».

Правда, что касается фактографии, то некоторые детали перевернаны, но в основном по существу верно:

---

¹ Гарри Каспарова (объявлен иностранным агентом) Росфинмониторинг включил в перечень экстремистов и террористов.

«Герман Лукомников в детстве достаточно сильно увлекался математикой и один раз завоевал второе место на олимпиаде в Баку. А первым финишировал некто Гарик Вайнштейн.

Чтобы в чем-то преуспеть лучше, Герман переключился на шахматы. Много тренировался. Однако, хоть ты тресни, на турнирах его постоянно снова обходил все тот же Гарик.

Вот как нарочно! Максималист Гера был недоволен, сердит. Томившийся бедняга огорчался, что он не первый в шахматах даже в городе. Мерзко.

Нервно поохав в тоске, он решительно пошел в литературу, стал писать необычайно талантливые стихи.

А тут, естественно, чемпион Гарик конкурировать не мог. И да – он к тому моменту взял фамилию Каспаров».

P.S. В комментариях к Валериному посту поэт и политический активист Кирилл Медведев написал мне: «Но в политике вы точно можете его обойти, ещё есть время!»

Ха-ха, в политике мне не обойти даже ежа.

4 июля 2021

Поэт

Была осень 1979. Мне было 17.

Я шёл от метро «Юго-Западная» по проспекту Вернадского домой. Рядом с метро, на фонарном столбе, увидел наклеенную бумажку с написанным от руки объявлением: такого-то числа в такое-то время в Театре-студии на Юго-Западе – вечер поэзии, участвуют – и несколько ничего не говоривших мне фамилий.

Театр на Юго-Западе был мне прекрасно знаком, он тоже на Вернадского, недалеко от моего дома, чуть дальше от метро. Он тогда ещё не так давно появился, мы с моими родными с удовольствием смотрели первые спектакли. Я даже сам мечтал туда поступить, да так и не решился пройти прослушивание. В этом театре блистал Авилов, гениальный актёр, о котором говорили, что он работает водителем-дальнобойщиком.

Я переписал информацию себе в блокнотик и в указанный вечер пришёл из любопытства. Вход, как мне помнится, был свободный.

В зале почти никого не было. Кроме меня, ещё два-три человека, да и те, как мне показалось, скорее всего, сотрудники театра. Тем не менее вечер начался.

На сцене за столом сидели поэты. Трое парней лет двадцати пяти-тридцати, хотя мне, вчерашнему школьнику, они казались аксакалами. Перед каждым стояла бутылка пива, и на протяжении всего вечера они из этих бутылок прихлёбывали, время от времени ставя пустые на пол и доставая и открывая другие. Это было неожиданно по тем временам и придавало выступлению решительно неофициальный характер.

Читали по кругу. Каждый по три стихотворения, сразу был объявлен такой регламент.

Первым вышел курчавый, невысокого роста, немного пухлый, с круглым лицом. Стихи были длинные, скучные и непонятные, читал он их монотонно и чуть-чуть восторженно.

Вторым – высокий и тощий как жердь, я мысленно окрестил его «длинным», и его стихи оказались ещё вдвое длиннее, скучнее и непонятнее, чем у курчавого. Читал он тоже монотонно, но не восторженно, а, напротив, как-то остранённо, глуховатым голосом, почти как робот.

Я еле выдержал эти первые шесть стихотворений первых двух выступающих. Вся надежда на последнего, третьего. Если и его стихи мне не понравятся, уйду, – подумал я. Но сам он мне уже ужасно нравился, просто своим видом, а ещё он как-то забавно пошутил в начале вечера.

И вот, когда подошла его очередь, он вышел на середину сцены. Усатый, с волосами до плеч. Кажется, в тельняшке и брюках-клёш. Как и первый, невысокого роста, но крепко и в то же время изящно сложенный.

Его стихи и манера чтения захватили меня с первых же слов. Стихи были тоже непонятные, но это была радостная непонятность, интересная непонятность нового для меня, открываемого мне этими стихами и создаваемого ими мира. К тому же они были очень смешные, они были полны невообразимых словосочетаний, иногда даже безграмотных, но понятно было, что это нарочно. Помню, как меня поразило нарочито-корявое и гомерически смешное стихотворение, написанное как бы от лица солдат и матросов, бравших Зимний дворец в 17-м году, оно совершенно не лезло ни в какие ворота.

И голос автора меня завораживал. Негромкий, спокойный, но очень внятный; в нём была демиургическая мощь, и ум, и ирония, и детское изумление перед всей вселенной, и казалось, что он доносится из какой-то другой реальности.

Досадно было только то, что читал он гораздо меньше других участников, потому что его стихотворения были в основном гораздо короче. Но теперь мне было ради чего терпеть три длинных стихотворения курчавого, затем три сверхдлинных стихотворения длинного... Ради трёх стихотворений усатого! И я терпел, и бывал вознаграждён.

Так они отчитали несколько «раундов», и на очередном, после курчавого и длинного (чьи стихотворения на этот раз по объёму, кажется, уже приближались к небольшим поэмам), усатый встал со стула, подскочил к только что закончившему читать и всё ещё стоявшему посреди сцены товарищу, схватил его руку, поднял её вверх и потряс, как судья на ринге, со словами «Ты победил!». Невозмутимое, будто бы вырезанное из дерева лицо длинного впервые за весь вечер тронула улыбка. На этом всё и закончилось. Финал получился дико смешной, но для меня и обидный: мало того, что по времени усатый читал гораздо меньше других из-за относительной лаконичности своих стихотворений, так он ещё и отказался от своей очереди в последнем «раунде».

Тем не менее, я был потрясён. Я открыл настоящего живого поэта! Сам, без чьей бы то ни было подсказки, практически случайно. Его имя и фамилия были записаны у меня в блокноте, и я запомнил их навсегда – Александр Ерёмченко. Но я чувствовал, что вряд ли найду что-нибудь в библиотечных каталогах, и боялся, что вообще, может быть, никогда больше не встречу ни его самого, ни его текстов. Поаплодировав участникам, я вышел на улицу и, преодолевая свою чудовищную застенчивость (я и сейчас застенчив, а уж тогда, в отрочестве и юности...), остановился на углу жилого дома, в котором расположен театр, неподалёку от театральных дверей, ждаль своего нового кумира.

Если бы они вышли вместе, всей компанией, вообще если бы он вышел не один, я бы не решился подойти. Но мне повезло – он вышел из театра первым из выступавших и был в одиночестве. И сам направился в мою сторону. Но пошёл не к метро, как я предполагал, а проходя как раз мимо меня, повернул в переулок направо. Был уже довольно поздний вечер. Наверно, к кому-то в гости. В общем, я рванул к нему, поблагодарил, выразил свой восторг и спросил, каким образом можно будет ещё когда-нибудь послушать его чтение. Он сказал: «Дайте мне свой телефон, я позвоню». Достал из кармана початую пачку «Астры» (или «Примы»?) и карандаш (или шариковую ручку? нет, кажется, карандаш) и записал моё имя и телефон прямо на сигаретной пачке. Мы попрощались, и он ушёл в темноту, куда-то вглубь нашего райончика...

К тому времени я уже пятый год, начиная с седьмого класса, рьяно писал стихи. Я сочинял их и раньше, по крайней мере с пятилетнего возраста, но с седьмого класса занимался этим постоянно и направленно, днём и ночью, изводя на черновики горы

тетрадок. Поначалу я свои стихи вообще никому не показывал, прятал их дома. Показывать их своему дяде Жене, бабушке, папе, любимому школьному учителю литературы Самуилу Григорьевичу Морозу – я стеснялся. Один из моих любимейших поэтов – Юрий Васильевич Смирнов – дружил с дядей Женей, но сам я с дядей Юрой был едва знаком и соваться к нему со своими стихами тоже не решался. А больше и некому было показывать, остальные мои знакомые поэзией особо не интересовались. В восьмом классе у меня появился друг, который учился классом младше, – Лёша Корюкин (впоследствии он поменял фамилию). И несколько лет я показывал свои стихи только ему, они ему очень нравились. Беда в том, что они не очень нравились мне самому. Вернее, и нравились и не нравились. Сочинял я для своего возраста очень складно. Стихи были совсем непохожи на мои нынешние. Они, по большей части, не были ни особенно краткими, ни смешными, нормальные такие лирические стихотворения. По существу это были подражания любимым поэтам – Вознесенскому, Арсению Тарковскому, Пастернаку, Блоку... Мне хотелось взгляда со стороны, и не только приятельского Лёшиного взгляда, но взгляда настоящего поэта. Одобрения или хоть разноса, но какой-то профессиональной реакции. Я знал, что Пушкина благословил Державин, Вознесенского – Пастернак, и мечтал, что и мои стихи каким-то образом попадут к какому-нибудь большому поэту, и тогда... Но я ничего для этого не делал, моим единственным читателем по-прежнему оставался Лёша. Учась в восьмом или девятом классе, я однажды пришёл в литературную студию «Алые паруса» в Юношеской библиотеке на Преображенке, эту студию вёл Вячеслав Куприянов (тогда мне это имя ничего не говорило), но из-за своей патологической застенчивости я не решился там не то что показать свои стихи, но даже и вообще что-нибудь сказать или с кем-нибудь познакомиться, и больше не приходил, хотя занятие мне понравилось, было интересно.

В общем, открыв для себя Ерёмко, я, конечно, размечтался, что вот он, тот самый настоящий большой поэт, с которым мы подружимся и который станет моим, так сказать, литературным наставником.

Я рассказал Лёше и дяде Жене, что открыл никому не известного гениального поэта. Правда, я почти ничего не запомнил из его стихов. Но, видимо, у меня так горели глаза, что они мне поверили.

Я был уверен, что моего нового кумира практически никто не знает. До этого я лишь дважды бывал на поэтических вечерах – Вознесенского в Зале Чайковского и Давида Самойлова в Музее Маяковского – и оба раза залы были переполнены, и залы немаленькие (Зал Чайковского так и вовсе огромный). А тут – крошечный зальчик Театра-студии на Юго-Западе был пуст, я оказался чуть ли не единственным слушателем.

Моя жизнь превратилась в ожидание звонка. Но шли дни, недели, месяцы, а звонка всё не было. Да, в общем, чему удивляться, ведь он записал мой номер на пачке сигарет, а докурив пачку, наверно, выбросил. Когда я совсем отчаялся, примерно через полгода после того вечера, звонок наконец раздался. Александр пригласил меня на своё очередное выступление.

Была весна 1980. Местом проведения поэтического вечера на этот раз стал Дом художника, но не на Крымском валу (того тогда, кажется, ещё не существовало; впрочем, нет, Википедия говорит, что уже был), а на Кузнецком мосту.

Я позвал туда Лёшу и дядю Женю. Дядя Женя не смог прийти, а Лёша пошёл со мной.

Я составил подборку из двух десятков своих наиболее удачных, на мой собственный взгляд, стихотворений, аккуратно переписал их в тетрадку и взял её с собой в решимости вручить своему кумиру.

Это тоже был коллективный вечер молодых поэтов, но с другим составом участников. Их было четверо, и ни «курчавого», ни «длинного» среди них не было. Из уже знакомых мне авторов был только «усатый» – мой любимый поэт Александр Ерёмко.

Народу было полно! Перед началом я еле пробился к Александру в коридоре, он был окружён толпой друзей и поклонников. Выглядели они в основном как хиппи – молодые, весёлые, длинноволосые, причудливо одетые. Я, кажется, никогда прежде не видел хиппи (разве что заграничных – на фото в журналах), но почему-то решил, что это они. Я кое-как протиснулся к Александру. Он сидел на корточках, прислонившись к стене и, казалось, был глубоко погружён в себя. Я поздоровался и робко протянул ему свою тетрадку. Он взглянул с удивлением, но взял. Кажется, я даже не решился пояснить, что это такое. Но подборка была подписана моим именем и фамилией.

Зрительный зал здесь был гораздо больше, чем в театре-студии, и он был переполнен. Набилось человек двести, некоторые сидели на полу, да чуть ли не на головах друг у друга сидели. И по реакции публики было очевидно, что собралась она в основном на «Ерёму». Вот тебе и на, вот так и никому не известный поэт! Я в самом деле был уверен, что его никто, кроме меня, не знает, а тут вдруг оказалось, что, несмотря на отсутствие публикаций, у него тьма фанатов. Видимо, вечер в Театре на Юго-Западной был просто плохо организован.

Стихи остальных участников и на этот раз не произвели на меня впечатления, но я запомнил фамилию Салимон – просто потому что уж очень необычная, и на «лимон» похоже. Ещё выступала поэтесса Ирина Путяева, тоже почему-то запомнил. А ещё одного участника не помню совсем, помню только, что он был.

Эти трое просто читали стихи, а когда вышел Ерёменко, было объявлено, что он будет читать под слайды художника Монастырского. В зале выключили свет, оставив лишь поэта с микрофоном в фонарном луче, и он начал читать, а рядом, на экран или просто на белую стену, точно уже не помню, проецировались слайды, сменяющиеся каждые несколько секунд. Фамилию Монастырский я тогда услышал впервые и запомнил, потому что тоже необычная, а главное – эти слайды мне очень понравились, это были какие-то сюрреалистические цветные фотографии; возможно, коллажи. Это не были иллюстрации к стихам, вообще связь не была буквальной, и всё же они великолепно сочетались со стихами Ерёменко и его потусторонним голосом, придавая им как бы ещё одно измерение и образуя вместе с ними новое, ещё более сложное и увлекательное пространство. На фоне этих слайдов поэт читал странные стихи про девочку дебильную и её хипповую сумку с инструментами, и мне казалось, что эта девочка вот-вот появится на экране, сойдёт в зал и тоже будет слушать...

Мой друг Лёша Корюкин (вернее, к тому времени он уже стал Башкайкиным) разделил мой восторг. Помнится, перед началом вечера мы с ним зашли там же, на Кузнецком, в книжную лавку напротив, и в поэтическом отделе увидели новую книжку то ли Дудина, то ли Матусовского или Долматовского, в общем, какого-то известного пожилого советского поэта, претенциозно озаглавленную «Суть». Очень ржали. Стихи Ерёменко, ни на что не похожие, так контрастировали с этой советской поэзией. При этом они таки действительно выражали что-то очень важное, самую суть того времени, суть нашего тогдашнего мироощущения.

(Окончание следует.)

14 июля 2021